

УДК: 340

DOI 10.37279/2413-1733-2021-7-3(2)- 103-114

ЦИВИЛИСТИЧЕСКАЯ МЕТОДОЛОГИЯ: ПОНЯТИЕ И ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ

Латынин О. А.

«Российский государственный университет правосудия»

В статье предложено широкое понимание цивилистической методологии и дано краткое описание основных этапов её становления и развития. Рассмотрена периодизация с применением исторического и структурно-функционального критериев. Обоснована нелинейная связь между цивилистической наукой и цивилистической методологией, доказана возможность науковедческого подхода к определению этапов развития цивилистической методологии. Выявлены черты цивилистической методологии в контексте классического, неклассического и постклассического типов научной рациональности.

Ключевые слова: цивилистическая методология, цивилистическая наука, картина мира, субъект научного познания.

В рамках понятия цивилистической методологии объединяем всю совокупность приёмов и способов интеллектуальной деятельности, направленных как на получение научных знаний о частноправовых феноменах, так и на применение этих знаний в ходе создания и реализации норм права. По справедливому замечанию одного из классиков цивилистической мысли, профессора Геттинггенского университета и автора одного из лучших учебников по гражданскому праву Ф.Регельсбергера (1831-1896), «трудности теории лежат здесь в материале, в безграничности вспомогательных средств, в разнообразии применения» [5, с. 138].

При обозначенном широком подходе наиболее важными характеристиками цивилистической методологии представляются следующие: цивилистическая методология сформирована в ходе поэтапного развития науки гражданского права; цивилистическая методология, обладая единым концептуальным каркасом дозволительного регулирования, вместе с тем отличается внутренним многообразием, обусловленным дифференциацией областей частного права; цивилистическая методология может быть встроена в более общие контексты философско-правового характера и детерминирована ими (например, цели, ценности, идентичность национального правопорядка и т.п.); цивилистическая методология имеет основополагающее значение для правотворчества и правоприменения, ибо всякая правовая норма появляется в результате научного исследования соответствующих феноменов и их реализации в типичном поведении субъектов.

Необходимо отметить, что научное внимание к цивилистической методологии как таковой особенно активизировалось в постсоветской юриспруденции. Ранее, в системе советского социалистического права, методология цивилистической науки была своего рода «нелюбимой падчерицей отечественной цивилистики» [6, с. 2]. Преодолевая этот негативный стереотип, многие современные авторы предпринимают попытки доказать эвристическую ценность именно отраслевого методологического учения.

Например, Г.В.Колодуб исходит из того, что любая методология является теорией, обращённой к практике исследования, а в частноправовой сфере более чем заслуживает самостоятельного статуса, ибо гражданское право является одновременно и ключевой по статусу отраслью российского права, и первой по содержанию юридической наукой, восходящей к старейшему концептуальному осмыслению идей частного права в пандектной юриспруденции [2, с. 135-136].

Методология научных исследований в области цивилистических знаний, как полагает названный выше автор, является базисным уровнем, оригинальным научно обоснованным видением сферы частного права, которое выполняет целый ряд важнейших для юридической теории и практики функций. По мнению Г.В. Колодуба, всего их 4: ориентирующая функция цивилистической методологии способствует расширению и обновлению терминологического инструментария и вместе с тем обеспечивает единство устоявшейся терминологической системы цивилистики, так как неудачные термины, появление которых объективно неизбежно в ходе научных поисков, будут отвергнуты как инородные и неадекватные; фильтрационная функция цивилистической методологии направлена на элиминирование отживших, видоизменившихся понятий, норм, институтов, которые неоправданно перегружают законодательную базу, усложняют восприятие научных текстов и, главное, не соответствуют современным тенденциям развития науки гражданского права; статусная функция цивилистической методологии означает некий маркер, посредством которого можно чётко отграничить и локализовать публично-правовые начала, так или иначе проникающие в область автономных, равных и независимых товарно-денежных отношений, ибо при допустимости некоторой конвергенции всё же следует признать, что непропорциональное опубликование частного права в перспективе приведет к уничтожению его как такового; гарантирующая функция цивилистической методологии проявляется в том, что научное знание и само по себе, и через реализацию на практике законотворчества, толкования и применения норм частного права способствует завершению перехода к современной рыночной правовой системе [2, с. 135-136].

Приведённый перечень корреспондирует таким общепризнанным функциям цивилистической науки, как идеологическая, пропагандистско-воспитательная, описательная, объяснительная, критическая, созидательная, символическая, прогностическая и регулятивная [8, с. 349].

Основные вопросы цивилистической методологии подробно рассматриваются, в частности, С.Ю. Филипповой в специальном монографическом исследовании, посвящённом сущности и задачам цивилистической науки, её возможностям, а также пределам влияния научных результатов на практику применения норм частного права [8, с. 349-350].

Справедливо полагая, что методы исследования различаются в зависимости от предмета исследования, указанный выше автор очерчивает предметную область цивилистики в виде совокупного единства трёх составляющих: во-первых, это позитивное право, во-вторых, социальный быт и в-третьих, цели и ценности правового регулирования [8, с. 351]. Такая многоаспектность обусловлена формально-источниковыми и содержательными отличиями гражданского права как науки, изучающей способы конкретного нормирования поведения субъектов,

которые находятся в состоянии равенства, автономии воли и имущественной самостоятельности.

Соответственно для цивилистической науки характерно использование достаточно широкого спектра методов. Так, позитивное право изучается посредством догматического, нормативного, сравнительно-правового и исторического методов, а социологические методы исследования (наблюдение, опрос, интервьюирование, моделирование, эксперимент) широко применяются в исследованиях социального быта. Применение упомянутых методов основано на постулатах: а) о существовании объективных закономерностей развития права, б) о потенциальной возможности построения «идеального права» и его метафизической сущности [8, с. 349-350].

Что же касается собственных методов исследования целей и ценностей правового регулирования, то в настоящее время приходится констатировать недостаточную их разработанность. То же можно утверждать и в отношении философских методов, которые, очевидно, нуждаются в некоторой адаптации исследовательских техник применительно к научной разработке проблем цивилистической действительности, тем более что для получения научного результата в аксиологической части цивилистической науки недостаточно описать существующие цели и ценности, их следует ещё и объяснить, соизмерив с эталоном «правильных» целей и ценностей, что находится глубоко в области этики, представлений о справедливости, нравственности и прочем [8, с. 306,350].

Всецело разделяем и поддерживаем обоснованную С.Ю. Филипповой точку зрения, что цивилистическая предметная реальность строится на основе социальных связей, которые могут быть регламентированы либо на уровне государства, либо самими субъектами таких связей посредством использования специфического цивилистического правового инструментария, основополагающая черта которого заключается в наличии свойств формального равенства и автономии воли участников отношений [8, с. 247-248]. Частноправовые начала предполагают существенный удельный вес актов саморегулирования, а для понимания их функционирования нужны, в свою очередь, методики исследования социального быта в пределах взаимодействия равных, свободных субъектов [8, с. 244].

С учётом изложенного назовем, вслед за С.Ю. Филипповой, наиболее продуктивные компоненты цивилистической методологии, ценные в том числе и с точки зрения целей и задач предпринятого нами исследования. Перечень таких методов дадим в произвольном порядке, имея в виду, что последовательность изложения не указывает на какую-либо иерархию чьих бы то ни было исследовательских предпочтений.

Так, достаточно эффективным с точки зрения познания цивилистической действительности является системный анализ, обеспечивающий цельную картину изучаемых реалий. В интересующей нас сфере действуют все известные принципы системного подхода, как то: 1) целостность изучаемой системы в её противопоставлении окружающей среде; 2) членение системы на отдельные элементы, обладающие собственными функциями; 3) наличие двух и более типов взаимосвязей между элементами системы (пространственные, временные, генетические, функциональные и др.); 4) упорядоченность, организация на основе какого-либо принципа; 5) иерархичность элементов системы, наличие уровней в её строении; 6) кибернетическое

начало – управление, необходимое для слаженного функционирования иерархически соподчинённых уровней и элементов системы; 7) целеполагание, сообщающее системе некую динамику, определяющее вектор её развития; 8) способность к самоорганизации ввиду того, что источник развития находится в самой системе (например, конфликт каких-либо локальных целей, возникших в подсистемах, приводит в конечном итоге к выработке неких начал гармонизации системы в целом); 9) комплементарность системного знания, выступающего в единстве функционального и организационного аспектов [9].

Далее в методологическом арсенале цивилистики упомянем юридическую герменевтику (или, по другой терминологии, правовую герменевтику), направленную на выявление смыслов правового текста. Юридическая герменевтика решает 3 задачи: 1), с её помощью выявляется истинный смысл текста нормативного правового акта, 2), осуществляется разъяснение его правового содержания; 3), даётся интерпретация, учитывающая те задачи, которые следует решить, по мнению законодателя, посредством данного нормативного правового текста.

Как видим, юридическая герменевтика подходит к праву шире, чем в плане статичной объективной данности позитивного характера, обеспечивающей в конечном итоге истинное знание о содержании текста нормативного правового акта, сближаясь тем самым с естественнонаучными техниками. Для герменевтики «право – не статичная данность, а изменчивое отражение культуры, на понимание которого накладывает отпечаток как контекст его создания, так и контекст его интерпретации» [9].

Обратим внимание также и на рефлекссию – метод, восходящий к учению Сократа, который считал самопознание наиболее важной задачей каждого человека, ибо предметом знания может быть только то, что уже освоено, а человеку наиболее подвластна деятельность его собственной души. Как одно из центральных понятий европейской философии конца XIX – начала XX в., рефлексия обозначает форму деятельности человека, направленную на осмысление своих собственных действий, своей культуры и её оснований. Учитывая, что право является модусом мира цивилизации и культуры, рефлексивные методики могут быть весьма полезны для цивилистических исследований.

Рефлексия позволяет сосредоточить мысль вокруг предельных оснований правовых идей и жизнедеятельности человека как субъекта права. Рефлексия по природе своей критична, а применительно к правовой материи и, в частности, цивилистике, это означает перманентный поиск ответов на ряд основополагающих вопросов, сформулированных, в частности, президентом Европейской академии теории права, профессором Гентского университета Марком ван Хуком касательно шести областей исследовательского поиска: 1) что есть право; 2) что есть действительные источники права; 3) каков механизм действия права на стадии создания и применения; 4) какие типы аргументов приемлемы для научного исследования; 5) почему право обязательно; 6) какова общая базовая идеология [3].

В дополнение к данному перечню С.Ю. Филиппова называет следующие методологически значимые вопросы: а) об оценке дуализма или единства частного права; б) о персонифицированности или социальной солидарности как ключевой идее; в) о самобытности отечественного частного права («славянофильство») или о едином характере всего западного (континентального) права («западничество») [8, с. 258-

259]. Видится, что ответы на шесть базовых и три дополнительных вопроса позволяют весьма точно оценить неявные знания исследователя.

Рефлексия всегда осуществляется на основе неких фоновых (неявных) знаний исследователя, которые являются ключевыми постулатами в том смысле, что их принимают за аксиомы, исходные пункты всякого изучения правовой материи. Применительно к обсуждаемым вопросам в сфере цивилистики такими общепринятыми постулатами являются: право обладает закономерностями развития *sui generis*, то есть объективно самобытными инвариантами, не зависящими от каких-либо культурно-исторических периодов существования государственно организованных обществ; государство обеспечивает право силой принуждения, но вместе с тем и само подчинено праву, архаические первоэлементы которого возникли в обществе задолго до государственной эпохи; человек как сознающее и мыслящее существо может понимать значение своих действий, их последствия для окружающих, а равно осуществлять выбор того или иного варианта поведения; ценностями являются доверие между участниками социальных связей, их готовность идти на компромисс ради прибыли, понимаемой не только в экономическом плане, а шире, как взаимовыгода вообще; цивилистическая наука явно или неявно ориентирована на гипотетически идеальную модель частного права (*ratio scripta* = писанный разум, основанный на здравом житейском смысле); такая модель национальна – в ней отражены социокультурные особенности данного общества, его государственно-правовая история, а также экономическое состояние как совокупность факторов, предопределяющих содержание и смысл частноправового регулирования [8, с. 256-261].

Сочетание обозначенных выше методов в конкретных цивилистических исследованиях определяется не только и не столько индивидуальностью правоведа, сколько факторами социального порядка: степенью развития кодификации и состоянием кодификационного процесса; актуальными для цивилистической науки «здесь и сейчас» функциями; политической и экономической жизнью общества.

Соответственно цивилистическая методология формируется поэтапно, в ходе развития науки. Так, например, одна из известных попыток периодизации отечественной цивилистики была предпринята в ознаменование 40-летия с момента учреждения советского социалистического строя, когда в очередном выпуске многотомного «Курса советского гражданского права» И.Б.Новицкого специально рассматривалась история отечественного гражданского права. Применительно к периоду с 1917 по 1957 год И.Б. Новицкий предлагал различать стадию перехода от капитализма к социализму (1917-1935) и стадию перехода от социализма к коммунизму (1936-1957), когда в науке гражданского права обсуждались проблемы, актуальные с точки зрения текущей политической и экономической ситуации (революция, отрицавшая гражданское право; военный коммунизм, НЭП, принятие Конституции СССР, Великая Отечественная война, восстановление разрушенного хозяйства и подготовка к завершению строительства социализма). «По мере изменения социально-экономических и политических условий изменяются и способы разрешения отдельных, выдвигаемых жизнью вопросов, хотя бы общие задачи государства и его функции оставались одними и теми же. Поэтому изложение истории советского гражданского права по периодам позволяет

нагляднее показать, как отражаются на том или ином гражданско-правовом институте особенности в способах разрешения одних и тех же задач в разных условиях» [4, с. 8-9]. Подчеркнём, что все эти «особенности в способах разрешения одних и тех же задач в разных условиях» – продукт методологических изысканий.

Ценный материал для изучения процессов эволюции цивилистической методологии находим в исследовании С.Ю. Филипповой, где содержится подробное описание восьми исторических этапов становления и развития отечественной цивилистики, определяемых в рамках структурно-функционального подхода цивилистической науки, периодизация проведена в зависимости от изменения преобладающей функции цивилистической науки на том или ином конкретном этапе [8, с. 351-353].

Так, «строительство здания цивилистической науки» (Г.Ф. Шершеневич) начиналось в период с первой четверти до середины XIX века. Исследовательские поиски были сосредоточены исключительно на позитивном материале, вокруг вопросов определения сущности и источников русского права вообще и гражданского права в частности.

Согласно рассматриваемой периодизации, предложенной С.Ю. Филипповой, в первый период развития цивилистической науки осуществлялось описание текущего гражданского законодательства, параллельно исследовались вопросы отечественной истории гражданско-правового регулирования, а также римского и зарубежного права – главным образом австрийского, английского и немецкого.

Накопленные в первом периоде научные методологические достижения потребовали обобщения, что и послужило объективной причиной постепенного вытеснения собственно описательной модели цивилистики в пользу объяснения основных категорий частного права. Помимо нормативного метода, в научных изысканиях развивается исторический и догматический подход, обосновывается идея уважения государства и закона, какие-либо оценки в отношении законодательных предписаний отечественного права в научных трудах того времени не встречаются. К римскому праву продолжают обращаться как к своего рода стандарту юриспруденции.

Последняя треть XIX в. была ознаменована поставленной перед цивилистической наукой задачей кодификации гражданского законодательства и, соответственно, переходом к третьему этапу развития цивилистики, который, так и не завершившись, был прерван событиями 1917 г. На данном этапе формировались три аспекта цивилистических исследований: во-первых, описание и научное осмысление текущего момента правовой жизни страны, во-вторых, сравнение его с отечественным правом в предшествующие периоды, в-третьих, сравнение с правом и законодательством зарубежных стран.

То был поистине «золотой век» отечественной цивилистической науки, которая заявила о себе серьёзным расширением методов исследования, плюралистичностью предмета и формированием собственных научных школ, частично освободившихся от влияния запада и римского права. Наука цивилистики постепенно превращалась в социальный институт, активно взаимодействовавший с государством и выступавший в роли критика и советника.

Далее, после 1917 г., на четвёртом этапе фактически произошел демонтаж дореволюционной цивилистической науки: прежние научные традиции и стандарты

научной практики были разрушены, а новые ещё не успели сформироваться. В результате в науку проник нигилизм, ставший её идеологической основой.

Более продолжительным был пятый этап, длившийся с 1922 (1925) по 1961 (1964) год. Требовалось создать и закрепить новые стандарты научной деятельности – поменять привычные схемы описания и объяснения феноменов гражданского права исходя из новой советской реальности. Но гораздо более важным делом считалась своего рода пропаганда: надо было теоретически обосновать и всесторонне рассмотреть безусловную «правильность» советского гражданского права в противовес враждебным буржуазным законам, утвердить тезис о его самостоятельности и превосходстве, тем самым доказывая нецелесообразность и невозможность заимствования каких бы то ни было «чуждых» юридических конструкций.

Таким образом, цивилистическая наука этого периода стала партийной: самобытность, автономность гражданского права доказывалась через описание особенностей советского социалистического строя, преимуществ идеологической основы социализма, исключительных политических обстоятельств его развития в стране. Признавались, в частности, специфические проблемы правового регулирования деятельности социалистических предприятий (т.н. дуализм гражданского и хозяйственного права), а также социальная солидарность как приоритет общественных начал над индивидуумом.

Наиболее актуальной и привлекавшей внимание большинства исследователей того времени была проблема народнохозяйственного плана и его влияния на договорные взаимоотношения социалистических организаций. Поскольку все социалистические организации создавались и функционировали на едином фундаменте – социалистической собственности, за ними всегда стоял один и тот же хозяин в лице государства, так что от цивилистов требовались изыскания, которые позволили бы найти некий компромисс между классическими положениями о сделках как волевых актов автономных субъектов и советской социалистической реальностью – подчинением всех сделок между социалистическими организациями выполнению плановых заданий.

Шестой этап, обозначенный С.Ю. Филипповой как развитое социалистическое гражданское право, длился с 1961 (1964) по 1985 г. и стал периодом второй гражданской кодификации, научного осмысления её результатов, а также интенсивного научного обеспечения юридического образования.

На седьмом этапе (начало 90-х годов XX века – 2008 г.), после распада СССР и конституционного закрепления в России нового государственно-правового строя, произошла полная деидеологизация науки гражданского права и радикальное изменение стандартов научной деятельности вследствие отказа от монополии марксистско-ленинского учения в описании и объяснении правовых явлений вообще и цивилистических феноменов в частности. Наука того периода выполняла прежде всего критическую и созидательную функцию, а доминировавшие ранее описание и объяснение сместились на второй план.

Характеризуя этот этап, С.Ю. Филиппова пишет: «С развитием экономических отношений менялись представления о необходимом правовом инструментарии, сильнее ощущалась потребность в обновлении гражданского законодательства, соответственно велись поиски подходящих правовых средств в зарубежных

правовых системах и прежнем, дореволюционном опыте, всё острее критиковалось советское гражданское законодательство, которое не предоставляло субъектам подходящие для использования модели. Соответственно в стандарты нормальной науки проникает сравнительно-правовой, исторический метод, а также активная критика позитивного гражданско-правового регулирования за несоответствие текущим потребностям» [8, с. 137-138].

Современный этап цивилистической науки, как считает С.Ю. Филиппова, начался в 2008 г и продолжается вплоть до настоящего времени. Характерно, что автор констатирует «утрату цивилистической наукой её методологии», указывая в качестве одной из причин повсеместную критику догматического метода в научной литературе, приведшую к тому, что «собственно догматические исследования сейчас вести не принято», хотя в отрыве от догматики эффективность сравнительно-правовых и исторических исследований сомнительна [8, с. 146].

В современной цивилистике, по мнению С.Ю. Филипповой, отсутствует ответ на вопрос о единстве или дуализме частного права; нет ясности по вопросу приоритета персонцентризма или социальной солидарности; одновременно существует отрицание отечественного права и неприятие зарубежных моделей. Далее автор перечисляет следующие типовые параметры научных трудов по цивилистике на современном этапе: актуальность темы обосновывается указанием на наличие пробелов или противоречий в законодательном регулировании определённой области общественных отношений; предметом исследования являются нормативные правовые акты, регулирующие данную область отношений, а также акты правоприменительных органов; методы исследования – исторический и сравнительно-правовой; цель исследования – описать и объяснить правовое регулирование определённой сферы общественных отношений, выявить недостатки правового регулирования и определить пути их устранения; структура исследования предполагает обращение к истории вопроса, к его регулированию в зарубежных правовых порядках, к обзору законодательства и судебной практики; научный результат выражается в виде данного определения рассматриваемого явления, выделении его признаков, отличающих это явление от сходных, определении противоречий и пробелов в правовом регулировании, предложении принятия определённого нормативного правового акта, устраняющего данный пробел или противоречие [8, с. 148-149].

В результате исследования процессов становления и развития отечественной цивилистической науки С.Ю. Филипповой выявлены несколько основных её тенденций, в числе которых – зависимость от изменения политической ситуации и тенденция к примитивизации исследований путём упрощения применяемых методов [8, с. 149].

Обратим внимание, что из приведённых выше теоретических положений в их совокупности может последовать вывод о существовании нелинейной связи между цивилистической наукой, с одной стороны, и цивилистической методологией – с другой. Несомненно, цивилистическая методология существует в рамках частноправового научного знания как такового – и в этом смысле являет собой нечто внутреннее по отношению к цивилистической науке. Вместе с тем в тот момент, когда субъект научно-познавательной деятельности применяет отдельные исследовательские операции и приёмы для наиболее эффективного решения

поставленных задач, тем самым придерживаясь какой-либо методологии цивилистического исследования, одновременно вступает в действие некоторая предзаданная система когнитивных координат, которые являются внешними относительно собственно цивилистики. Дело в том, что субъект познания уже имеет свою сложившуюся «картину мира», «парадигму», «исследовательскую программу», «субъективный стиль и образ мышления» и всё прочее, что составляет исходные предпосылки, на базе которых впоследствии будут формироваться новые научные теории, концепции, объяснительные схемы и т.д. Поскольку эти предпосылки всегда детерминированы общим социокультурным контекстом, постольку и цивилистическая методология может выступать не только как внутренний фактор, но и как внешняя детерминанта развития цивилистической науки, её «порождающий механизм».

Выше мы говорили об историческом и структурно-функциональном подходе к периодизации становления и развития цивилистической методологии. Кроме того, с учётом связей с общекультурным контекстом можно применить к периодизации ещё один подход, а именно – науковедческий. Остановимся на нем подробнее.

Как деятельность по формированию знания о феноменах частного права, цивилистическая наука не может не подчиняться универсальным закономерностям познавательного движения вообще, а равно быть исключением из констатации, что «в целом наука воспринимается как одна из высших ценностей цивилизации и культуры» [7].

Согласно концепции исторической динамики научного знания, разработанной В.С. Стёпиным, развитие науки предстаёт в виде последовательности исторически сменяющих друг друга типов картин мира – особых форм знания, объединяющих разнообразие важнейших фактов и наиболее значительных теоретических результатов науки. Отличительными чертами каждой картины мира, по В.С. Стёпину, являются: наличие фундаментальных понятий и фундаментальных принципов науки, система которых вводит целостный образ мира в его основных аспектах (объекты и процессы, характер взаимодействия, пространственно-временные структуры); онтологический статус (в картине мира содержатся элементы истинного знания применительно к данному периоду развития науки, и выработанные наукой понятия отождествляются с действительностью); допущение междисциплинарного синтеза знаний [7].

При этом если в общей научной картине мира представлены наиболее важные системно-структурные характеристики предметной области научного познания как целого, взятого на определённой стадии его исторического развития, то дисциплинарные онтологии (специальные научные картины мира, включая рассматриваемую нами цивилистику) репрезентируют предметы каждой отдельной науки.

К историческим типам научной рациональности, формирующей ту или иную картину мира, В.С. Стёпин относит классическую, неклассическую и постнеклассическую науку [7]. Период классической научной рациональности укладывается в хронологические рамки XVII—XVIII вв – эпохи доминирования механики в системе научного знания. Специфическая черта классической рациональности состоит в элиминировании из системы истинного знания всего, что относится к субъекту, его целям и ценностям, средствам и операциям его деятельности.

С конца XIX до середины XX ст. доминанта научного знания перемещается в область квантово-релятивистской физики, биологии и кибернетики, что сопровождается включением новых смыслов в категории части и целого, причинности, случайности и необходимости, вещи, процесса, состояния. Этому соответствует новый, неклассический тип научной рациональности, который отличается от предыдущего признанием связи между знаниями об объекте и характером средств и операций деятельности, в которой данный объект обнаруживается и познается субъектом.

В последнюю треть XX ст. возникает современная постнеклассическая наука, или «открытая рациональность», в которой предметом научной рефлексии являются в том числе и связи между внутринаучными и социальными ценностями и целями: получаемые знания об объекте здесь соотнесены не только с особенностью средств и операций деятельности, но и с её ценностно-целевыми структурами; связь внутринаучных целей с вненаучными, социальными ценностями и целями эксплицируется таким образом, что постнеклассическая наука включается в современные процессы решения проблем глобального характера и выбора жизненных стратегий человечества, а чёткие грани между естественным и социогуманитарным знанием постепенно стираются.

Важно подчеркнуть, что «возникновение нового типа рациональности не уничтожает исторически предшествующих ему типов, но ограничивает поле их действия. Каждый новый тип научной рациональности вводит новую систему идеалов и норм познания, что обеспечивает освоение соответствующего типа системных объектов: простых, сложных, исторически развивающихся (самоорганизующихся) систем» [7].

Применяя описанный выше науковедческий подход к цивилистической методологии с учётом исторического и структурно-функционального подходов, констатируем, что цивилистическая методология в своём развитии прошла те же стадии классики, неклассики и постклассики – сокращённо обозначим их именно так, дабы не путать с терминами концепции В.С. Стёпина.

Классика означает, что совокупность приёмов и способов интеллектуальной деятельности, направленных как на получение научных знаний о частноправовых феноменах, так и на применение этих знаний в ходе создания и реализации норм права, относительно автономна от личности субъекта, применяющего эту методологию. В таком случае предмет рассматривается как часть объектной реальности, а методология цивилистической науки сводится лишь к вопросу о применяемых методах познания. Неклассика включает в цивилистическую методологию внешний компонент в виде мировоззренческих основ исследователя, его принципов планирования научной деятельности, от которых, в свою очередь, зависят и определение научной проблемы, и способы обобщения знаний и оценки полученных результатов [8, с. 252].

Постклассика же, как этап развития цивилистической методологии, ещё более расширяет обозначенные неклассикой рамки, выводит в междисциплинарную плоскость, в первую очередь – философию, а также и социологию. Верно, что «фило-софско-правовые знания являются действительным основанием юриспруденции, а все более или менее значимые шаги вперед в этой сфере являются результатом приложения философского знания к юридической действительности» [1, с. 6].

В свою очередь, онтологическими единицами правовой реальности (или юридической действительности), образующими структуру её юридического концепта, являются вещи (объекты прав), субъекты права, правовые отношения. Онтологический анализ правовой реальности как предметной области приложения правовой науки, соотношения правовой реальности и овеществлённого мира, реального бытия предполагает «образ креативного судьи, который творит право. ... Судебная практика становится самостоятельной правовой силой, право становится продуктом судебской интерпретации» [1, с. 11, 21].

Итак, в эпоху постклассики роль человеческого фактора при конструировании акта правосудия по определению возрастает, ибо в этом и заключается специфика постклассики как таковой. Вместе с тем, по нашему мнению, следует согласиться с Г.А. Гаджиевым в том, что «горячее горение сердца» для юриспруденции опасно. Впрочем, столь же недопустима и другая крайность, когда «горячее сердце» вообще отсутствует. Граница юридического и этического пространств – один из самых противоречивых моментов, и необходимо искать разумную меру, баланс формализма и человеколюбия. Юридическая методология сама по себе не в состоянии предложить судье какой-либо конкретный вариант. Судья должен сам определить, каким должно быть соотношение частного интереса и общего блага, в какой мере он должен прислушиваться к голосу сердца и совести, а в какой – к формально-правовым доводам [1, с. 26].

Цивилистическая методология может рассматриваться узко, как некая «вещь в себе», существующая исключительно во вспомогательной роли в рамках науки частного права. При таком подходе периодизация развития цивилистической методологии основывается на исторических либо структурно-функциональных критериях, каждый из которых элиминирует из методологии особенности познающего субъекта. В широком же плане цивилистическая методология включена в общекультурный контекст, содержит некоторую аксиоматическую субъективную часть в виде индивидуальных установок субъекта относительно осуществляемой им научно-познавательной деятельности. При такой постановке вопроса к периодизации цивилистической методологии применим науковедческий критерий. Используя его, приходим к заключению, что широкое понимание цивилистической методологии корреспондирует постклассической картине мира и представляется нам наиболее перспективным с учётом дифференциации и специализации правового регулирования в современную эпоху, нарастающей комплексности правоотношений и соответствующего усложнения споров о праве, а также всеобщей, универсальной тенденции к усилению роли права в качестве стабилизатора экономических отношений, гаранта защиты свободы экономической деятельности и прав её субъектов, интересов граждан в процветании и благополучии общества.

Список литературы:

1. Гаджиев Г.А. Онтология права: (критическое исследование юридического концепта действительности). М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. 320 с.
2. Колодуб Г.В. Цивилистическая методология как новое направление научно-исследовательской деятельности // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2014. № 6 (98). С. 132-138.
3. Марк ван Хук. Право как коммуникация. / Пер. с англ. М.В. Антонова, А.В. Полякова. — С.-Пб.: Изд. Дом С.-Петербур. гос. ун-та, ООО «Универ. издат. консорциум», 2012. 288 с.

- 4.Новицкий И. Б. История советского гражданского права. М., Государственное Издательство Юридической Литературы, 1957. 327 с.
- 5.Регельсбергер Ф. Общее учение о праве. М.: Т-во И.Д. Сытина, 1897. 312 с.
- 6.Степанов Д.И. Вопросы методологии цивилистической доктрины /Актуальные проблемы гражданского права. Сборник статей. - М.: Норма, 2003. Вып. 6. С. 2-32.
- 7.Стёпин В.С. Теоретическое знание. М.:1999. <https://www.studmed.ru/view/stepin-vs-teoreticheskoe-znanie_4b47a51726b.html> (последнее посещение 14.01.2021).
- 8.Филиппова С.Ю. Цивилистическая наука России: становление, функции, методология. М.: Статут, 2017. 384 с.
- 9.Шитиков В.К., Розенберг Г.С. Артюхов В.В. Общая теория систем: самоорганизация, устойчивость, разнообразие, кризисы. М.: URSS, 2009. 224 с.

Latynin O.A. Civilistic methodology: the concept and main stages of development // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2021. – Т. 7 (73). № 3. – Р. 103-114.

The article offers a broad understanding of the civilistic methodology and provides a brief description of the main stages of its formation and development. Periodization is considered using historical and structural-functional criteria. The nonlinear connection between civilistic science and civilistic methodology is substantiated, the possibility of a scientific approach to determining the stages of development of civilistic methodology is proved. The features of civilistic methodology in the context of classical, non-classical and post-classical types of scientific rationality are revealed.

Key words: civil law methodology, civil science, picture of the world, subject of the scientific knowledge.

Spisok literatury:

- 1.Gadzhiev G.A. Ontologiya prava: (kriticheskoe issledovanie yuridicheskogo koncepta dejstvitel'nosti). М.: Norma: INFRA-M, 2013. 320 s.
- 2.Kolodub G.V. Civilichesticheskaya metodologiya kak novoe napravlenie nauchno-issledovatel'skoj deyatel'nosti // Izvestiya Irkutskoj gosudarstvennoj ekonomicheskoy akademii. 2014. № 6 (98). S. 132-138.
- 3.Mark van Huk. Pravo kak kommunikaciya. / Per. s angl. M.V. Antonova, A.V. Polyakova. — S.-Pb.: Izd. Dom S.-Peterb. gos. un-ta, ООО «Univer. izdat. konsorcium», 2012. 288 s.
- 4.Novickij I. B. Istoriya sovetskogo grazhdanskogo prava. М., Gosudarstvennoe Izdatel'stvo YUridicheskoy Literatury, 1957. 327 s.
- 5.Regel'sberger F. Obshchee uchenie o prave. М.: Т-во И.Д. Сытина, 1897. 312 с.
- 6.Stepanov D.I. Voprosy metodologii civilisticheskoi doktriny /Aktual'nye problemy grazhdanskogo prava. Sbornik statej. - М.: Norma, 2003. Vyp. 6. S. 2-32.
- 7.Styopin V.S. Teoreticheskoe znanie. М.:1999. <https://www.studmed.ru/view/stepin-vs-teoreticheskoe-znanie_4b47a51726b.html> (poslednee poseshchenie 14.01.2021).
- 8.Filippova S.YU. Civilisticheskaya nauka Rossii: stanovlenie, funkcii, metodologiya. М.: Statut, 2017. 384 s.
- 9.SHitikov V.K., Rozenberg G.S. Artyuhov V.V. Obshchaya teoriya sistem: samoorganizaciya, ustojchivost', raznoobrazie, krizisy. М.: URSS, 2009. 224 s.